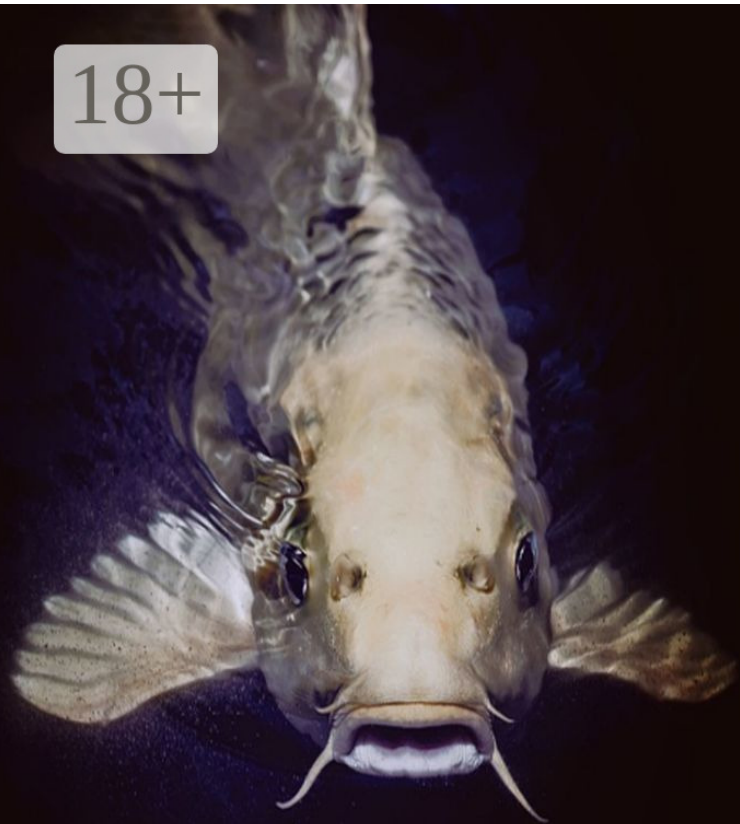

18+

Цикута

Олег Минкевич

Олег Минкевич

Цикута

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35736185

ISBN 9785449315144

Аннотация

Нежданный посланник истины – в России заговорила рыба. Чудо породило немало забавностей и повлекло за собою вагон происшествий и общественных неурядиц.

Содержание

СЛЕСАРЬ	5
ЧУДО-РЫБА	8
ПРИЗРАКИ ДЕМОКРАТИИ	18
НА «ВАЛЬГАЛЛЕ»	22
«ПРОБОЙНЫЙ-LIGHT»	30
Комментарии к выпуску3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Цикута

Олег Минкевич

*Нет ничего омерзительней истины,
если она не на нашей стороне.*

Джордж Сэвил Галифакс

*И коза сошла бы за дьявола, будь в ней хоть что-
нибудь человеческое.*

Станислав Ежи Лец

© Олег Минкевич, 2020

ISBN 978-5-4493-1514-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЛЕСАРЬ

Всегда есть кто-то *первый*. Кто-то первый летит в космос; кто-то первый открывает Америку; кто-то первый синтезирует краситель; кто-то первый плавит свинец; кто-то первый им обжигается. На долю черногрязенского слесаря Романа Ивановича Колодкина выпало особое, немыслимое доселе первенство, о котором просто невозможно умолчать и о котором терпеливый читатель узнает чуть позднее.

Важно сказать сразу, что Роман Иванович отнюдь не герой нашей повести, а персонаж второстепенный, чьё присутствие в книге требует историческая справедливость. Я бы ни за что не стал распространяться о деяниях, привычках и пристрастиях этого человека, не случись ему стать первым свидетелем невероятного явления, наделавшего шуму на просторах несравненного отечества и за рубежом. Но так как о *первых* с давних времён принято говорить в подробностях, мне придётся потрафить вековой традиции, порассказав разной чепухи о жизни гражданина Колодкина.

В шестидесяти километрах от Москвы находится город Н. Неподалёку, за сухостойным лесочком и загнившим пустырём, расположен город ТН., вблизи которого, прячась от солнца и зорких космических спутников, в клубах пепельного дыма гордо высятся трубы промышленного Черногря-

зенска. Фабричные и станционные истопники трудятся без устали, чтобы держать городской престиж на достойной высоте.

Говорят, что как-то в городе выдалась ветреная неделя, вследствие чего в черногрязенском небе стало видно не только солнце, но и далёкие мерцающие созвездия, располагающие к романтической мечтательности. Мечтательность довольно скоро перешла в бурную мечтательность, сменившуюся активной «вздыхательностью». Словом, через девять месяцев в городе народилось рекордное количество потенциальных истопников.

В семье Романа Ивановича тоже случилось прибавление: гражданка Колодкина, Татьяна Петровна (в девичестве Ледащева-Осетровская), умудрилась явить на свет очаровательных мальчиков-двойняшек. Младенцы, словно предчувствуя, что жить им предстоит именно в Черногрязенске, родились смугленькими, что сподвигло соседа-биолога выдумать теорию внутриутробной предусмотрительности и поспешной мимикрии.

После рождения близнецов (у четы Колодкиных есть ещё две девочки) Роману Ивановичу, работающему на химической фабрике «Лазоревые дали», чтобы прокормить семью, пришлось поднатужиться. Не ожидая от начальства весомых вспоможений, слесарь Колодкин осмелел, приободрился и из усреднённого несуну обернулся несуну усердным, благо с фабрики «Лазоревые дали» всегда есть что нести. Ла-

тунные втулки, медные провода, этиловый спирт, сливаемый на пару с электриком Щепоткиным, всевозможные гайки, подшипники, черенки для мётел, удобрения, аэрозоль-антиклещ «Берёза» – всё это Роман Иванович, не уступая в прити завхозу 2-го дома Старсобеса Альхену, пользуется постоянно, но в отличие от старгородского воришки – без стыда и раскаяний.

Досуг у Романа Ивановича прозаичен и однообразен. Пожжими днями, спасаясь от ядовитой скуки, с группой молчаливых единомышленников он прячется под побитым пластиком дворового навеса и в синей мгле летучего никотина стучит по столу игральной костью домино.

В ненастье семьянин Колодкин сидит перед семейным телевизором, осмысливая мировую жизнь. Финансовые кризисы, вопрос внешнего долга и бессмертная коррупция приводят Романа Ивановича в праведное негодование: в неистовстве он сжимает кулаки, бормочет изощрённые проклятия и посылает советы в безответное пространство. Лежащая подле него почернелая пепельница быстро наполняется горкой измятых окурков. Но гнев утихает и сердце смягчается, как только до нюха Романа Ивановича достигает запах домашнего борща, наваренного рачительной рукою Татьяны Петровны.

– Ешь, Рома. Пусть их. У нас своя политика, – успокаивающе говорит хозяйка, опрокидывая в мужнину тарелку раскалённый половник пряного борща.

ЧУДО-РЫБА

*Должно сказать, что подобное явление редко
попадается на Руси.*

Н. В. Гоголь

Москва. словно многоголовая торговая гидра, разинув широченные пасти бутиков и гипермаркетов, пылает она искusstельным огнём неоновых витрин. Колдовские трели Гамельнского крысолова ничто в сравнении с гипнозом столичного блеска, сулящим долговечные блаженства. В золотом, искристом плаще, древний город шумит, поёт, танцует, ласкает, кусает, пугает, дурманит, одурачивает и всегда, всегда ждёт потребителя. Москва не верит не только слезам, но и звездочётам; порою верит градоначальникам, редко – метеорологам и всedневно – бесперебойным слухам. Её любят, о ней мечтают, и в ней разочаровываются. Она темна, многоцветна, хищна и прекрасна. Такая она – Москва.

Именно туда одним прекрасным летним днём отправился Роман Иванович Колодкин с женою и детьми. Каждое третье воскресенье они покидают родной Черногрязенск и, минуя попутные Н. и ТН., устремляются в Москву – за покупками. Это семейная традиция.

Автоматические двери гипермаркета «Джой» учтиво растворились перед семейством Колодкиных. Стеклобетонный

вентилируемый предбанник обдал разгорячённых посетителей ободряющим, прохладным воздухом. Пятнадцать метров неторопливым шагом – и взорам Колодкиных открылся обширнейший оживлённый зал. С высоченных потолков в торговое царство лился облагораживающий искусственный свет. Звонкие динамики, как ярмарочные зазывалы, голосили о беспрецедентных акциях и скидках. По светоотражающим полам вихляли и постукивали вертлявые колёсики за решёченных тележек, набитых разношёрстным товаром. Покупатели в ажитации носились от стеллажа к стеллажу, орудуя цепкими пальцами. Как неисчислимая вереница арестантов, под алым оком кассовых сканеров безостановочно проходили штрих-коды. Возле входов и выходов, гадая чужие мысли и пошевеливая металлическими желваками, с взглядами, полными осторожности и недоверия, стояли широкоплечие охранители, подозревавшие беззаконника во всякой смышлёной жизни.

Взявшись за тележку, Татьяна Петровна Колодкина, как руководитель закупочной миссии, повела за собою домочадцев. Хрупкие детские ручки хватались за плюшевых медведей, кукол, мячики, самолёты; женственные персты Татьяны Петровны облюбовали юбки, туфли, омолаживающие кремы, комнатные ароматизаторы, несмываемые помады, порошки, вилки, ложки, сахарницы, зелёные горшочки в белый горошек, белые салфетницы в зелёную крапинку и журналы с заголовками: «Как быть красивой?», «Как сохранить кра-

соту?», «Отчего ушла красота?» и «Что делать, если красота покинула вас навечно?». Мозолистые пальцы черногрязенского слесаря были сдержаннее и ограничились отечественной водкой, американскими сигаретами и вислоухим пластиковым бульдогом, привыкшим покачивать отягчённой цепью головкой на передней панели автомобиля. Колодкин, глядя на маленького сморщенного бульдога, зажатого в огрубелой руке, гримасничал и посмеивался.

Через полчаса, не считая уже перечисленных товаров, итальянские ручки, щёлковские булки, тихоокеанские креветки, азербайджанские помидоры и линованные тетради тамбовской писчебумажной фабрики «Разворот» заполняли сетчатое днище колодкинской тележки.

– Рома, я наберу клубнику, а ты пока возьми рыбу. – Татьяна Петровна дала указание и, «шевелия нижним бюстом» (как сказал бы Маяковский), скрылась за уголком фруктового отдела вместе с вереницей шумливых детей. Тут же за горой солнечных лимонов заколыхались её мелированные, завитые кудряшки и послышался недовольный голос: «Какая дрянная клубника!»

Роман Иванович тем временем, послушно исполняя поручение, приблизился к рыбной секции. В пластмассовых лотках, среди искусственного сахаристого снега, лежали добротные куски стерлядей, севрюг, арктических сига, тунцов и лососей. По соседству в объёмистом аквариуме с зеленоватой водой мелькали чешуйчатые и гладкие тела ещё

не умерщвлённых рыб. В тот самый момент, когда рука Романа Ивановича потянулась за розовеющим шматком лососины, до чуткого уха черногрязенского слесаря донеслось тихо вымолвленное слово.

– Товарищ, – сказал кто-то.

Роман Иванович обернулся, повёл глазами и, не обнаружив никого, кто бы обращался непосредственно к нему, вновь устремил своё внимание на лососину.

– Товарищ, – повторил кто-то таким же тихим, едва уловимым голосом.

Роман Иванович обернулся, на этот раз с недовольством, снова огляделся, на всякий случай посмотрел под ноги, взглянул на потолок – опять никого.

– Товарищ, – в третий раз сказал кто-то, но уже чуть громче.

– Да кто это говорит, чёрт побери?! – недовольно протрубил Колодкин.

– Это я, товарищ, я здесь, – сказал кто-то с присвистом.

Колодкин посмотрел на аквариум и остолбенел. Именно в это мгновение он стал *первым!* первым человеком, увидевшим говорящую рыбу!

Небольшой серый шестиусый сом, высунув голову из воды, смотрел на него разумными выпученными глазами, обрамлёнными звёздчатыми ресницами, и говорил «товарищ».

– Ё! – воскликнул Роман Иванович неожиданно охрипшим голосом. – Ё! – повторил он, подбирая в памяти под-

ходящее матерное словцо. – Ё! – сказал он в очередной раз, так и не выискав ничего более выразительного, чем это колоритное, убедительное междометие.

– Товарищ, Ветрушкин – вор, – сказала рыба.

– Что-что? – нервно переспросил Колодкин, сделав несколько неровных шагов в направлении аквариума. Широкая слизистая голова сома окунулась в воду, но очень скоро показалась на поверхности.

– Ветрушкин – вор, – шевеля усиками на подбородке, повторил сом. – Девять, девять, сорок девять, одиннадцать, пятьдесят шесть.

Колодкину стало дурно. Тут подошла Татьяна Петровна с детьми.

– Рома, ты взял ры... рыбу... – Татьяна Петровна удивлённо взглянула на сома, смотревшего на неё реснитчатыми глазами.

– А Ветрушкин – вор, – сказал сом таким тоном, каким обычно ябеды выдают педагогу списывающих одноклассников.

Татьяна Петровна безумно посмотрела на мужа. Теперь дурно было обоим. Длинные ногти гражданки Колодкиной невольно проделали дырку в кулке с клубникой – помятые, подопревшие ягоды раскатились по блестящему полу.

– Ветрушкин – вор. Девять, девять, сорок девять, одиннадцать, пятьдесят шесть, – не уставала твердить рыба.

Фольклорного Емелю, эксплуатировавшего щуку, свято-

го Антония, учившего рыб слову божьему, и детей, не видящих межи между сказкой и реальностью, говорящей рыбой не удивить.

Пока родители отупело тарасились на сома, дети смотрели на него expectantly: им казалось, что вот-вот из аквариума выглянет очаровательная мордашка диснеевской Русалочки; морская царевна крепко обнимет говорящую рыбку и премило улыбнётся. Но Русалочка не заявлялась, а сом талдычил своё, время от времени окунаясь.

Вскоре Колодкины были не единственными созерцателями говорливой рыбы.

– В рот мне малина! Зина, иди сюда. Тут сом по-нашему лопочет! – пробасил какой-то мужик и произнёс несколько ядрёных словечек, своевременно не высказанных Романом Ивановичем.

– Рыба говорит! – стремительно разнеслось по гипермаркету.

Не выпуская из рук тарашающих тележек, покупатели понесли к аквариуму; вслед за ними рванулся и персонал. Бега были конфронтационны и походили на недружественный забег пациентов районной стоматологии, рвущихся к журналу записи – на бесплатное протезирование. Каждый хотел быть наиболее приближенным к чуду. Потолочные динамики замолкли. Потух красный свет кассовых сканеров. Торговля остановилась.

– Ветрушкин – вор! – всё смелее голосил сом, пытаясь

пересилить гомонящую толпу.

Становилось всё оживлённее. Ахи и охи разбавлялись хохотом и матом. Камеры смартфонов приступили к документации небывалого события: в интернет со стремительной скоростью полетели фотоснимки и видеозаписи, а также комментарии очумелых свидетелей. В соцсетях начались сумбурные диалоги.

– Ветрушкин – вор! – кричал сом, лупя хвостом по воде. – Девять, девять, сорок девять, одиннадцать, пятьдесят шесть.

– Кто такой Ветрушкин? – спросил кто-то из толпы.

– Вор! – поморщившись, ответил сом.

– Да мы поняли уже. Ты конкретику давай. Где живёт?

Чем занят?

– Девять, девять, сорок девять, одиннадцать, пятьдесят шесть, – отозвался сом и принялся тяжёлой головой стучать в стекло.

– Хватит, наслушались, – сказал безымянный посетитель, подошёл к аквариуму и, выхватив сома из воды, понёс его к весам.

– Слышь, уважаемый, ты куда? – раздался возмущённый голос.

– Куда-куда, взвешивать. Кто успел, тот и съел, – съехидничал расторопный покупатель.

– Да ты оборзел! Ты чё, самый умный? Или самый достойный? Это тебе не карась зачуханный. Положь обратно!

– Да пошёл ты! – огрызнулся приткый человек.

И тут началось! Гипермаркет «Джой» в одну секунду превратился в филармонический зал с площадкой для борцовской секции. Нестройный хор борцов-потребителей рождал потоки неразборчивых звуков. Хруст костей мешался с хрустом французских батонов и кукурузных хлопьев, стоны людей – с весёлыми песнями плюшевых медведей, придавленных к полу побитыми телами. Рычание налетало на детский плач, призывные крики тонули в высоком женском вое. Под ногами испускала душистые соки подопревшая клубника и поскрипывали крупинки искусственного снега из перевёрнутых лотков. Скользящий по рукам сом, задыхаясь, бессмысленно поминал никому не известного Ветрушкина и повторял никому не понятные цифры. Коренастый гражданин в порванной тельняшке, с багровым, как томатный сок, лицом, катаясь в яичной луже, не глядя раздавал тычки и оплеухи со словами «Смоленск, ВДВ». Охранники с металлическими желваками, закатав рукава, гармонично влились в подвижную галдящую массу. Воистину, не бывает чудес без потрясений!

Кульминацией народной битвы стал пролом аквариумного стекла: прохладная водица неудержимым потоком обрушилась вместе с рыбой на измятых, покалеченных драчунов. Раздался громкий многоголосный вздох. Где-то что-то щёлкнуло, и гипермаркет «Джой» окунулся в стойкий могильный мрак. Всё затихло, кроме поющих медведей.

– Ветрушкин – вор, – неровно слышалось в темноте. –

Ветрушкин – вор, – ещё невнятнее повторилось в отдалении.

Снова заплакали дети, зарыдали впечатлительные особы.

Тем временем Роман Иванович Колодкин, оттеснённый с семьёй до фруктового отдела, как бы нечаянно погрузил на дно обширного кармана рябой эквадорский апельсин.

Когда освещение восстановили, остуженные участники и свидетели магазинной баталии стояли как вкопанные; их глаза дико озирались, носы принюхивались, а уши слушали весёлую песню допевающих медведей. На мокром полу, среди потоптанных продуктов, предсмертно глотая воздух, засыпали беспомощные рыбы.

– А где этот чёртов сом? – спросил чей-то сердитый голос.

– Где сом? Где сом? Где сом? Где сом? – эмоциональной волною прокатилось по гипермаркету.

Но сом не отзывался. Сома не было. Сом пропал.

Немного статистики

Во время драки, случившейся в гипермаркете «Джой», было попорчено товаров на сумму 17.577 рублей. Из них три товара (рязанская сметана «Гей, славяне», свиной фарш мясокомбината «Весенняя свежесть» и рыбные консервы завода «Милое подгорье») оказались просроченными.

Также было:

1. Сломано стёкол: 1 шт.
2. Произнесено слов: 1233 (из них 109 на литературном

языке)

3. Выбито зубов: 23 шт. (3 шт. с кариесом)

4. Оторвано пуговиц: 59 шт. (11 шт. металлических)

5. Сорвано накладных ресниц: 2635 шт.

6. Поломано костей: 28 (перелом стопы гражданки Перелесовой, случившийся за пять секунд до потасовки, в счёт не берётся)

Кроме того. Во время драки растаяли 22 кг искусственного снега, задохнулись 15 рыб, были разбиты 2 судьбы, наметился 1 развод. Шесть человек решили начать жизнь по-новому. В исполнении плюшевых медведей прозвучали 3 песни из советских мультфильмов. Серенаду Трубадура из «Бременских музыкантов» медведи повторили 11 раз. Какое количество людей участвовало в потасовке – статистике, равно как и рассказчику, неизвестно.

ПРИЗРАКИ ДЕМОКРАТИИ

*Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.
Конституция РФ. ст.29 п.5*

В помещении было прохладно – вовсю работал кондиционер. Упрямо и раздражающе тикали настенные часы. Генеральный директор телекомпании «Истина 2» Андрей Андреевич Холопов сидел за рабочим столом, уставленным наградными статуэтками, и нервно грыз ногти на ухоженных руках. По его раскрасневшемуся, взмокшему лицу, обходя блестящие капельки пота, шмыгала надоедливая муха.

– Зараза! – процедил Холопов и хлопнул себя ладонью по лбу. Увёртливая муха ушла от удара и прицепилась к потолку.

Андрей Андреевич был не в духе. Но отнюдь не муха стала причиной его раздражения. Не более пяти минут назад гендиректор имел приватный телефонный разговор, во время которого услышал резкое, категорическое «нет». И он хорошо знал, что на вопрос «почему?» не получит никаких разъяснений. Будучи человеком опытным и сообразительным, Андрей Андреевич всё понимал, но внутренне протестовал.

Холопов вскочил из-за стола, откинул коленом стул и принялся беспокойно расхаживать по кабинету. Муха отдели-

лась от потолка и закужила над его головою.

– Такое событие! Такое событие! – бормотал он, отчаянно ломая себе пальцы. – Ну почему она не могла сказать что-нибудь другое? Ну поздоровайся, спроси: как дела? Расскажи про развитие, подъём, инновации. Расскажи про нерест сомов на Волге. На худой конец, поругай нерадивых футболистов. Но что же ты сразу в больное место бьёшь? Зачем? И ведь сколько же на свете есть воров: и в Европе, и в Америке, и среди диких племён крадунов не счесть. Ну назови какого-нибудь там Смита, Мюллера, Гонсалеса. Что тебе стоит? Но нет же! У неё Ветрушкин вор! Ветрушкин! А кто такой Ветрушкин? Кто?

На этот вопрос ответ искал ни один Холопов.

– Вот они мне говорят: нельзя, – продолжал сам с собою Андрей Андреевич, в запальчивости стуча себя по ляжкам. – А почему нельзя? Да потому что не знают, где ниточка и куда приведёт, если найдётся. Вот в чём дело. Коль уж рыба в России о воровстве заговорила и цифрами заметала, то...

Холопов не довёл мысль до конца – побоялся.

Обида гендиректора понятна. Сенсация, о которой нельзя говорить публично, мучительна для журналиста. Андрей Андреевич знал: когда придёт время, ему объяснят, о чём говорить, как говорить и кто виноват, и он, покорствуя, всё выполнит в соответствии с указаниями. Но нетерпение и обида не давали ему покоя.

И вдруг в мозгу Андрея Андреевича что-то сверкнуло,

в его груди вместе с сердцем забились минутная смелость. Подойдя к книжному шкафу, заполненному исключительно справочной литературой, он взял с полки подарочный том Брокгауза и Ефрона и, отдуваясь от приставучей мухи, начал листать.

– Демифон... Демодок... Демокед... Демократия. – Глаза Холопова благоговейно застыли на последнем слове; ему почудилось, что буквы засветились; на своём лице гендиректор ощутил приятное дуновение: это был призрачный ветер свободы, равноправия и гуманизма.

Услышав слово «демократия», муха сложила крылья и взглянула с потолка в раскрытую энциклопедию. Холопов проглотил застывший в горле ком и стал читать:

– Слово Д. происходит от греческих $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ и $\kappa\rho\alpha\tau\acute{\iota}\alpha$ – буквально народовластие... Народовластие... – радостно повторил Андрей Андреевич; в его глазах зарябило от всё возраставшей смелости.

– ...власть принадлежит народу... интересы народа стоят на первом плане... – Холопов с восторгом захлопнул книгу и сказал: – Я – народ! Я – власть!

На потолке прозвучало одобрительное «вз-з». Андрей Андреевич хотел было протянуть руку за Конституцией, чтобы подкрепить свою смелость положениями 29-й статьи. Он хотел крикнуть: «Нет цензуре! Нет пропаганде! Свобода мысли! Свобода слова!» Но тут сквозь смелую грёзу гендиректора, сквозь иллюзорные облачка демократической пыли ста-

ли стремительно прорисовываться рубиновые звёзды Московского Кремля, кирпичные зубчатые стены и всевидящее око *незаменимого* гаранта Конституции.

«Ты зарвался, Холопов! – прозвучал в голове чей-то громовой голос. – Знай своё место!»

Картина рисовалась так живо, так реалистично, что Холопов не на шутку струхнул. Он положил на полку книгу, с видимым спокойствием сел на место и, красный, уже не от гнева, а от стыда, как прилежный школьник, сложил руки на столе. Муха, прощально прожужжав, скрылась в вентиляции.

– Говорящая рыба... подумаешь... – неубедительно утешался Холопов.

Тут он взглянул на торчавший из стены гвоздь и покраснел ещё больше: ему стало стыдно не только за свои дерзновенные мысли, ему стало стыдно, что он вновь не повесил на стену президентский портрет, хотя после ремонта, произведённого в его кабинете, прошло уже два дня.

В этот день вместо сюжета о говорящей рыбе и потасовке, связанной с её появлением в гипермаркете «Джой», телеканал «Истина 2» рассказал трогательную историю о дружбе одноглазого лесника с таёжной белкой.

Телеканалы «Правда 1», «РусБосс» и «Купол-ТВ», уступив интернету роль прославителя чудо-рыбы, поступили сходным образом.

НА «ВАЛЬГАЛЛЕ»

*Нет ничего лучше хорошего обеда, хорошего вина
и чуть-чуть испорченной женщины.*

Неизвестный автор

Было совершенное безветрие. В небе вяло покрикивали сонные чайки. Быстроходная яхта «Вальгалла», спустив якорь, покачивалась на лёгких волнах под томительными лучами тропического солнца, далеко от берега, в каком-то океане, на пересечении какой-то параллели с каким-то меридианом. Одним словом, где-то далеко, очень далеко от Русской Земли.

Катя Лиман (по паспорту Мозжечкова), ничего не понимавшая ни в мореходстве, ни в географии, но когда-то «что-то такое слышавшая», свесив молодые груди за борт плавучего судна, глупо тарасилась в безбурную воду в ожидании чуда и поскобливала хищными красными ноготками свежую корабельную краску.

Увидев в интернете видеозапись с говорящей рыбой, Катя тут же решила, что наступило время, когда каждой рыбе есть о чём рассказать. Эта неожиданная мысль наполнила её небывалым трепетом. Недолго думая, она с весёлым визгом выскочила на палубу, склонилась над тихой волной и стала выжидать. Девушка ждала долго. Но, увы, на поверх-

ности не появлялись даже молчаливые рыбы. Катя задумчиво вздыхала, всё активнее работала ноготками и продолжала смотреть – а вдруг?

Не считая Кати, на палубе «Вальгаллы» находились ещё пять девушек, пять подруг, похожих на Катю. Девушки были молоды, большеглазы, узкоплечи, где надо – прямолинейны, где надо – округловаты. Подобно Кате, свесив грудки за яхтенный борт, они ожидаательно тарасились в подвижную океаническую массу и задумчиво вздыхали.

Читателю, наверное, интересно узнать, кто же такие Катя Лиман и её подруги и что они делали в безветренный день на яхте «Вальгалла», в каком-то океане, на пересечении какой-то параллели с каким-то меридианом. История Кати, поспешу сказать, для кого-то окажется малоприятной, для кого-то – назидательной, а кто-то (есть и такие) без отлагательств внесёт её в катехизис для отчаянных карьеристок.

Как ни странно, для Кати всё началось с морей и океанов. Как-то в восьмом классе на уроке географии она услышала роковую фразу, от которой люди, уже будучи взрослыми, просыпаются по ночам в ледяном поту.

– Можжечкова, к доске! – тоном тюремщика произнесла учительница. Катя послушно поднялась, встала перед классом, взяла покрытую меловой пылью указку и, рассеянно теребя пшеничную косицу, уставилась в физическую карту мира.

– Покажи нам Карибское море, – попросила учительница.

– Я там купалась, меня папа возил, – похвалилась Катя.

– Замечательно, – с завистью отозвалась учительница, которая там точно не купалась. – Значит, у тебя не возникнет никаких сложностей. Ну и где же, Мозжечкова, у нас на карте находится Карибское море?

Мозжечкова знала верно, где находится табачный киоск, ночной клуб и затхлый подъезд для подростковых тусовок, но вот насчёт Карибского моря у неё были сомнения; она долго размышляла, шелестя указкой то в Персидском заливе, то возле берегов Патагонии. В конце концов она сделала выбор и остановилась на Бенгальском заливе, чем несказанно обрадовала учительницу, которая, повторяюсь, никогда не купалась в Карибском море.

Жизнь несчастной девочки осложнилась, когда её заставили искать Северный Ледовитый океан. Северный под улюлюканье одноклассников Катя отыскала в Средиземном море, Ледовитый обнаружился в Южном полушарии. Какое полушарие мозга заставляло Катю принимать такие решения, определить сложно. Но можно сказать точно, что она ещё никогда так умственно не напрягалась.

Получив неуд, Катя поняла, что чего-то она не знает, и это понимание стало поворотным в её жизни; она твёрдо сказала себе, что науки существуют не для неё и что успехов она добьётся и без знания морей и океанов.

Однако уроки географии не прошли бесследно: единственное научное слово, запомненное Катей и вынесен-

ное ею из школы, оказалось слово «лиман»¹. Правда, Катя не помнила значение этого слова, что не помешало ей впоследствии использовать его в качестве псевдонима. Дежурная фраза «это мы проходили» была вынесена Катей из школы вместе с «лиманом». Больше выносить было нечего.

Перестав быть школьницей, Катя не стала институткой, а сделалась содержанкой; она решила брать зámки благополучия телом и нахрапом. Благо и тело обольщало, и генератор наглости работал без перебоев.

Первым богатым полюбовником восемнадцатилетней гражданки Мозжечковой стал директор молочного комбината «Великий надой». Катя пришла к нему в кабинет жаловаться на низкий процент жирности сметаны, поставляемой его предприятием в отечественные магазины, и уже через месяц прыткая красотка вторично омывалась в ласкающих водах Карибского моря.

Кате ничего не мешало, любя директора молочного комбината, любить и содержателя подпольного казино, и начальника главного управления ветеринарии Московской области, и руководителя десятка сельскохозяйственных ферм «Пищроттрест». Никто из них не спрашивал Катю, куда течёт Волга и какова максимальная высота Карпатских гор, что лишний раз убеждало её, что счастье не в знании географии.

Когда Катиных спонсоров пересажали, она их разлюбила. Не удостоив разнесчастных утешительной открыткой «люб-

¹ Лиман – мелководный залив при впадении реки в море.

лю-скупаю», Катя пошла дальше по карьерной лестнице и дошла до кабинетов, в которых, шумя и расплёскиваясь, кипят котлы большой политики. Как водится, от такого рода кабинетов до яхт, скользящих по мировым морям, идти недолго. Так Катя Лиман очутилась на «Вальгалле», далеко от берега, в каком-то океане, на пересечении какой-то параллели с каким-то меридианом. Сходный путь проделали и Катины подруги.

Когда Кате наскучило ожидание чуда, она оторвала взгляд от океанических вод, вытянула из-за борта наливные груди и покинула палубу быстроходной «Вальгаллы» походкой уморённой солнцем цапли. Катя спустилась в полутёмную каюту, где, выпив стакан освежающей газировки, устало растянулась на поскрипывающем кожей диване, достала из розового чехольчика новейший смартфон и, складывая по-разному губки, стала себя фотографировать.

В углу, в прохладительной каютной тени, как бы нарочито укрывающей лица, за столом, в мягких ореховых креслах сидели двое, фамилий и должностей которых рассказчик, памятуя о хваткости и беспрецедентной длине верхних конечностей упомянутых персон, оглашать не будет. Эти двое – назовём их Первый и Второй, – несмотря на долгожданный отдых, вели серьёзный, деловой разговор; присутствовавшая при этом Катя, представлявшаяся обоим не более чем биологической куклой для удовлетворения биологических потребностей, не вызывала у многосильных господ ни подозри-

тельных мыслей, ни возражений.

– Ну что, нашли? – нетерпеливо спросил Первый.

– Ищут, – отозвался Второй. – Тут дело непростое. И потасовка, и свет пропал, и свидетелей нет. Никто ничего не видел, одни домыслы. Всё как-то запутано, неясно.

– Неясно, – фыркнул Первый. – Так выясни, коль неясно, выясни. Зачем, скажи, твоих нюхачей на деньги налогоплательщиков содержать, если они поганой рыбёшки сыскать не могут?

– Так рыба – не слон, ушла в воду – и ищи-свищи. В стране водоёмов до черта. Да она, может быть, сейчас в какой-нибудь луже плавники полощет.

– Так найди эту лужу и того, кто её в эту лужу запустил, не пешком же она из магазина вышла. Кто знает, что она ещё наговорила, кому и какой умник всё это заснял. Ты пойми, человеку можно не поверить: мне, тебе, папе римскому, даже президенту, а вот в рассказни говорящей рыбы верится охотно, народ поверит, уже поверил. Ты погляди, чего эти грамотеи в интернете понаписали. «Рыба врать не будет». «Устами рыбы – устами младенца». «Говорящий сом – совесть России». Тьфу! Читать тошно. А если эта рыба сейчас где-нибудь всплывёт и о коррупции запоёт, о митингах, о национальных интересах, о народном богатстве, о конституционных правах? Допустим, скажем: ложь, провокация. А на кого свалим? Опять на Госдеп, на «пятую колонну», на вечных врагов отчизны, да? Нет, брат, не выйдет, не та история. –

Первый качнулся в кресле и издал сердитый хрип.

– Отчего ж не выйдет? – возразил Второй. – Можно и на Госдеп свалить, можно и «пятую колонну» приплести. Не забывай о Пробойном и оппозиции, это ведь тоже вариант. Ты верно сказал, человеку можно не поверить; а сознательно говорящая рыба – уже немного человек. Стало быть, можно не верить и рыбе, и не поверят, если за дело возьмётся профи. Слава богу, такие профи у нас есть, и ты их знаешь, и по щелчку они сделают что угодно. Всё просто, надо только щёлкнуть. – Второй выглянул на свет, неторопливо запалил сигару и снова откинулся в уютную тень.

– Что там по Ветрушкину? – спросил Первый.

– Ищут... цифры проверяют... В стране порядка шести тысяч Ветрушкиных. Чёрт знает, который из них наш...

– Если этот Ветрушкин действительно что-то спёр, об этом следует говорить прокурору, а не какой-то там рыбе или дяде Васе-сталевару...

Первый недовольно цыкнул и резким движением открыл бутылку янтарного курвуазье; налив коньяк в бокал, он рассмеялся.

– Ты чего? – удивился Второй.

– Я представил, как бы мы помытарились, если бы эта рыба назвала не Ветрушкина, а Иванова. Ха-ха-ха...

Второй поддержал Первого солидарным похохатыванием. Засмеялась и Катя, но только о своём: ей было смешно, что в скором времени она выложит в соцсетях этот интерес-

ный разговор, который втайне записала посредством камеры своего новейшего смартфона.

«ПРОБОЙНЫЙ-LIGHT»

Он знал шестьдесят три способа добывания денег, из которых самым честным и самым обычным являлась незаметная кража.

Франсуа Рабле

По хрусткому, мокрому снегу, сквозь буйство красноярской халепы, в высоких валенках, в худом пальтишке и шерстяном платке, неуклончиво и отважно шагала чуточная старушка; шагала она в направлении неглубокой речки, по которой время от времени проносились мелкие сероватые крыги и сучья, задевавшие за ледяную корку берегов.

– Ты куда, баб Нюр? – прозвучал за спиной чей-то голос.

– Ась? – оборачиваясь, спросила старушка. Холодный ветер, закравшийся под платок, неприятно хлопал по ушам.

– Я говорю: куда путь держишь?

– За хлебом иду, милый, за хлебом. Завтра река шибче пойдёт, боюсь, не устою.

– Бог в помощь, баб Нюр.

– Спасибо, милый, спасибо. У бога и без нас дел много.

Старушка остановилась на берегу, потопталась с минуту, о чём-то подумывая, и затем стала стаскивать с себя валенки; сняв валенки, она принялась раскручивать портянки. Промозглый ветер, будто только этого и ждавший, тут же налетел на желтоватые, веснушчатые ноги с выпуклыми веточками

синих вен.

– Пойду я, – взяв в охапку снятые вещи, вымолвила старушка и ступила на ломкий прибрежный лёд; послышался треск, по поверхности пробежала роковая змейка надлома, и плоский кусок льдины стремительно соскользнул в реку, унося на себе бабу Нюру.

Картина с уплывающей куда-то старушкой застыла; на экране образовался чёрный фон, сменившийся недовольной гримасой первого российского оппозиционера Дмитрия Пробойного, сидящего за белым столом с разболтанной ножкой.

– Привет! В студии «Пробойный-Light» Дмитрий Пробойный, – отнюдь не приветственным тоном произнёс политик; возле него на столе стоял прямоугольный голубоватый аквариум, в котором пошевеливался шестиусый сом с звёздочками лучистых ресниц.

– Ветрушкин – вор! – высунув голову из воды, напомнил сом.

– Благодарю, коллега, – с приятной отозвался Пробойный. Сом, моргнув, втянулся обратно, пустив несколько многозначительных пузырей. Пробойный устремил резкий оппозиционный взгляд в объектив видеокамеры. – Ну что, я чувствую, вас просто разрывает нетерпение, вы хотите получить ответы, и я вас прекрасно понимаю. Я слышу, о чём вы меня спрашиваете. Скажи нам, Пробойный, неужели это тот самый сом? Как же он оказался у тебя на столе? О ка-

ких цифрах он говорил? Сказал ли что-нибудь ещё? Ответь нам, Дмитрий, известно ли тебе, кто такой Ветрушкин? Действительно ли он вор? И зачем ты показал нам видео с бедной бабушкой? Не беспокойтесь, ребята, я отвечу на все ваши вопросы и начну прямо сейчас. – Пробойный отхлебнул из красного бумажного стаканчика с надписью «Ветрушкин – вор» и продолжил: – Отвечая на первый вопрос, скажу: да, это тот самый сом, о котором уже два дня рассуждает весь сознательный мир, исключая, разумеется, российские федеральные телеканалы. Что он говорящий, вы только что могли убедиться сами. Я думаю, он таким образом всех нас поприветствовал. К сожалению, вызнать у него что-либо новое пока не удалось, но мы надеемся, что одним Ветрушкиным он не ограничится. Как именно сом очутился у нас – на это, поймите правильно, мы ответить не можем. Здесь мы говорим только правду, но и у нас должны быть хоть какие-то профессиональные секреты. Скажу главное: мы не совершили никаких противозаконных действий. Вот чек, – Пробойный показал маленький кассовый талон, – доказывающий, что сом приобретён нами в соответствии с законодательством Российской Федерации. Послушайте, я зачитаю: сом речной, семь тысяч триста двадцать два грамма, две тысячи шестьсот тридцать семь рублей. М-да, дороговато, в прошлом году он обошёлся бы нам дешевле.

Сом выглянул, моргнул реснитчатыми глазами и стал тихонько напевать грустную классическую мелодию, как бы со-

жалая о своей высокой стоимости.

– Ну вот, ребята, – с живостью рассмеялся Пробойный, подтягивая до локтей закатанные рукава рубашки, – мы с вами стали свидетелями обновления: наш сом запел. Интересно бы узнать, что он поёт. Если вы знаете, пишите нам. Мне кажется, эту мелодию в скором времени будут напевать многие... Передо мною просто вал сообщений. «Что с бабушкой? Жива ли она?» – спрашивают меня зрители нашего канала. Спешу успокоить всех взволновавшихся: с бабушкой всё в порядке, она жива, здорова, хочется надеяться, что проживёт ещё достаточно долго, и о ней мы обязательно поговорим. А сейчас я хочу показать вам вот это.

На экране появился снимок какого-то документа; некоторые графы в документе были очёркнуты ярко-жёлтым цветом. Голос Пробойного за кадром продолжал вещать. Поющий сом из деликатности стал петь тише.

– Сейчас вы видите перед собою договор об аренде земельного лесного участка. Поглядите, в пользу какого лица установлены ограничение прав и обременение объекта недвижимости. Да, это уже хорошо известный нам господин Ветрушкин, о существовании которого ещё вчера никто не знал, разумеется, за исключением некоторых жителей Центральной Сибири. Прошу обратить особое внимание на номер договора аренды. Всё верно, это те самые цифры, которые нам назвал сом. Борис Степанович Ветрушкин. Кто же он такой? С марта 2012 года господин Ветрушкин яв-

ляется главою Мухтаплюйского сельсовета в Красноярском крае. В ведении Ветрушкина находятся четыре населённых пункта, в их числе село Байдарково, где проживает Анна Гавриловна Летучая, именно так зовут эту смелую бабушку, пытавшуюся перейти вброд реку. Видео снято в этом году, ранней весной. Кто думает, что Анна Гавриловна была не подготовлена и делала это впервые, глубоко заблуждается. Насколько мне известно, не далее как два дня назад Анна Гавриловна вновь переходила реку. Бог миловал, всё прошло удачно. Замечу, что Анна Гавриловна не единственный житель Байдаркова, таким рискованным и первобытным способом ходящий в магазин за продуктами. Но почему, почему, справедливо возмутитесь вы, поселяне должны терпеть трудности, добывая себе хлеб? Потому что такие чиновники, как господин Ветрушкин, не строят мосты, необходимые простым людям. Почему же они этого не делают? Вы думаете, у них нет денег на нужды населения? Вы думаете, кризис, повышение цен и внешний долг не дают им возможности организовать самой простой переправы? Нет! Всё гораздо проще: они не строят мосты, потому что они наглые, лицемерные, завравшиеся жулики! Жулики и воры!

Пробойный, всё более распаяясь и порицая должностных лиц, продолжал выхлёстывать на аудиторию вместительные ушаты сермяжной правды. Сом вслушивался в речь политика, не прерывая тоскливого пения. На экране появился снимок другого документа.

– Вы видите декларацию о доходах и имуществе Ветрушкина Бориса Степановича. Хочу заметить, что этот документ, как и предыдущий, мы взяли из открытых источников. Посмотрим, какие же сведения о доходах и имуществе указал глава Мухтаплюйского сельсовета... Смотрим. Заработная плата слуги народа не президентская, но на жизнь, как говорится, хватает. Что по имуществу? Земельный дачный участок, жилой дом, две квартиры общей площадью в сто семьдесят восемь квадратных метров, три колонны из габбро-диабазы, гранитная статуя Григория Потёмкина... Сразу видно патриота, Борис Степанович любит не только отечество, но и его историю. Похвально. Смотрим дальше. Легковой автомобиль марки Chevrolet, мотоцикл «Урал», прицеп «Брянская волчица». Подождите, и это всё? Как же так, Борис Степанович? А где же сведения об аренде земельного участка под Красноярском? Давайте пересмотрим. Может быть, мы просто не разглядели? Может быть, стоит лишь как следует напрячь зрение, чтобы увидеть эти данные? Смотрим, смотрим... Нет, и это нам не помогло. Скорее всего, какая-то волшебная сила, образовавшаяся прямо из воздуха, просто растворила эту часть сведений, указанных в декларации господином Ветрушкиным. Или же Борис Степанович просто сдружился со стариком Хоттабычем и изредка пощипывает ему бороду. Так или иначе, но факт остаётся фактом: в документе нет того, что в нём быть должно. Мне кажется, теперь ни у кого нет сомнений, нам всем понятно,

на чьи нужды идут народные деньги и почему в Байдаркове беззащитных бабушек уносит по течению на льдинах.

– Ветрушкин – вор, – как бы ставя точку в сердитом послании политика, протянул сом, закончивший напевать безрадостный мотив.

– Верно говорите, коллега, – поддержал Пробойный. – Без вас мы бы об этом, вероятно, не узнали. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

Сом согласно моргнул.

– Давайте-ка почитаем присланные вами сообщения, – продолжая эфир, сказал Пробойный. – В исполнении сома, пишут мне, прозвучала мелодия Жоржа Бизе из оперы «Искатели жемчуга», романс Надира. Спасибо. Чтобы не извиняться за свой французский, я название читать не буду, погуглите сами... Так, дальше... Как зовут рыбу? Знаете, мы тут пытались пообщаться с нашим гостем, но, помимо того, что и так уже все слышали, он больше ничего не сказал. Пишите нам, предлагайте имена, а мы в свою очередь постараемся донести их до сознания... мне почему-то не хочется говорить «рыбы»... до сознания нашего коллеги, вот так... Может быть, что-нибудь будет ему по душе и он даст это понять... Девочка или мальчик? Ха! Да, мы этим тоже живо интересуемся, спорим. Точно можем сказать: икру пока не мечет. Среди нас ихтиологов нет, но большая часть нашей команды, прельщённая этими чудесными ресницами, склоняется к тому, что сом наш – самочка... Лично я тоже так ду-

маю... Почём брал аквариум и где? Это надо узнать у нашего хозяйственника... Что ты думаешь о полипептидах? Ничего не думаю... Будешь ли ты теперь есть рыбу?..

Пробойный замялся и взглянул на сома; сом выглянул из воды и, положив увесистую голову на край аквариума, уставился на Пробойного; с длинных усов представителя лучепёрых свисали капельки зеленоватой слизи. Взгляды рыбы и политика столкнулись. История ещё не знавала столь напряжённой паузы.

– Мархаба. Ана мустаажиль. Файн ал хамам?² – проговорил сом на арабском языке и рухнул в воду, обрызгав озадаченного оппозиционера.

² Здравствуйте. Я тороплюсь. Где здесь туалет? (араб.)

Комментарии к выпуску³

Царь Борис

Молодец рыбина! Не боится говорить правду. Предлагаю назвать «Правдой-Маткой».

Джонни 512 Царю Борису

Придурок ты. совсем пробойный тебе мозги промыл как-кая правда? тебя разводят как лоха а ты ведёшься.

Сизая Омела Джонни 512

Сам ты предурок бот долбаный скока за камент платят?

Чебурек Чуберекович Сизой Омеле

Дура. Придурок через «и» пишется.

Сизая Омела Чебуреку Чуберековичу

Тож мне громотей нашолся. Иди лесам...

Крепкий прыщ

Пробойный мой президент!

Чёткий Чебурашка Крепкому прыщу

Саддам Хусейн твой президент. Гамадрил безродный!

Лариса Вольная

Кто знает на каком языке рыба в конце говорила?????

Артём 8 Ларисе Вольной

На азербайджанском кажись.

Зафар Мамедов Артёму 8

Ишак тупой эта не азербайджанский! Не знаишь не гава-

³ Орфография и пунктуация пользователей.

ри!

Артём 8 Зафару Мамедову

Кто ещё тут ишак? Иди помидорами торгуй верблюд носатый.

Зафар Мамедов Артёму 8

Чо в инете смелый гаварить? Ты на улицу выходи пагаварим. Или мама не пускает?

Понятливый ёжик

Писец! В комментах одни евреи!

Яша Абрамсон Понятливому ёжику

Сам ты еврей жид кошерный. Весь мир захватили теперь за Россию взялись кровососы.

Добрый Гитлер

Ребята, давайте жить дружно.

Иннокентий 99

Короче, на прошлой неделе забрали права, думал всё, не вернут. Друг дал телефончик, я позвонил, на следующий день права вернули. Не лажа, пройди по ссылке www.padloubudu-prava-dobudu.com.

Вася Простой

Это чё рыба говорит? Я чёт пропустил?

Страстный Персик Васе Простому

Парниша ты чё в Мухосранске живёшь? Уже все давно знают.

Геркулес Иванович

Ха!!! Ветрушкин зашкварился, ржунимагу. Пробойному

уважуха, красава, разделал ворюгу под орех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.